МУРЗИЛКА

N-6 Журнал ЦК ВЛКСМ
для школьников младших классов

Рис. А. ЕРМОЛАЕВА

ШКАТУЛКА С ЗЕРНОМ

АНАТОЛИЙ ФЕРЕНЧУК ***Рис. А. ЕРМОЛАЕВА***

На целинные земли Сибири мы выехали с первым эшелоном.

Поезд вёз комсомольцев московского автомобильного завода. Все они ехали в Кулундинскую степь работать. Перед отъездом комсомольцы побывали в Кремле, где дали слово руководителям нашей партии и правительства хорошо трудиться на колхозных полях. Они призвали молодёжь страны последовать их примеру.

В Сибири, Казахстане, Урале и Поволжье имеется много целинных земель. Такая земля, где ещё ни разу не проходили с плугом, называется целиной. Сейчас в степи растут лишь седые ковыли да горькая полынь. Чтобы на этих землях росла пшеница, нужно, как только стает снег, степь распахать и засеять семенами. Целинные земли приносят большие урожаи, если их хорошо обработать.

Наши заводы сейчас выпускают много тракторов, сеялок, плугов и комбайнов. И мы можем приступить к освоению целинных земель. Для этого и поехали московские комсомольцы.

Путь наш лежал через Волгу, мимо Уральских гор, через Сибирь на Алтай. Шесть суток мчал нас поезд, а за окнами вагонов всё тянулась наша страна. Казалось, нет ей конца-краю.

Всюду, где останавливался поезд, москвичей-добровольцев тепло встречали местные жители. На одной станции ребята подарили комсомольцам красивые шкатулки.

— Спасибо, ребята, — поблагодарили москвичи. — Мы вернём ваши шкатулки, когда наполним их зерном из нашего первого урожая.

А на одном из перегонов два мальчика, наверное сыновья путевого обходчика, вытоптали валенками на снегу слова: «Привет москвичам-патриотам!» Они стояли на склоне железнодорожной насыпи и долго махали шапками вслед нашему поезду.

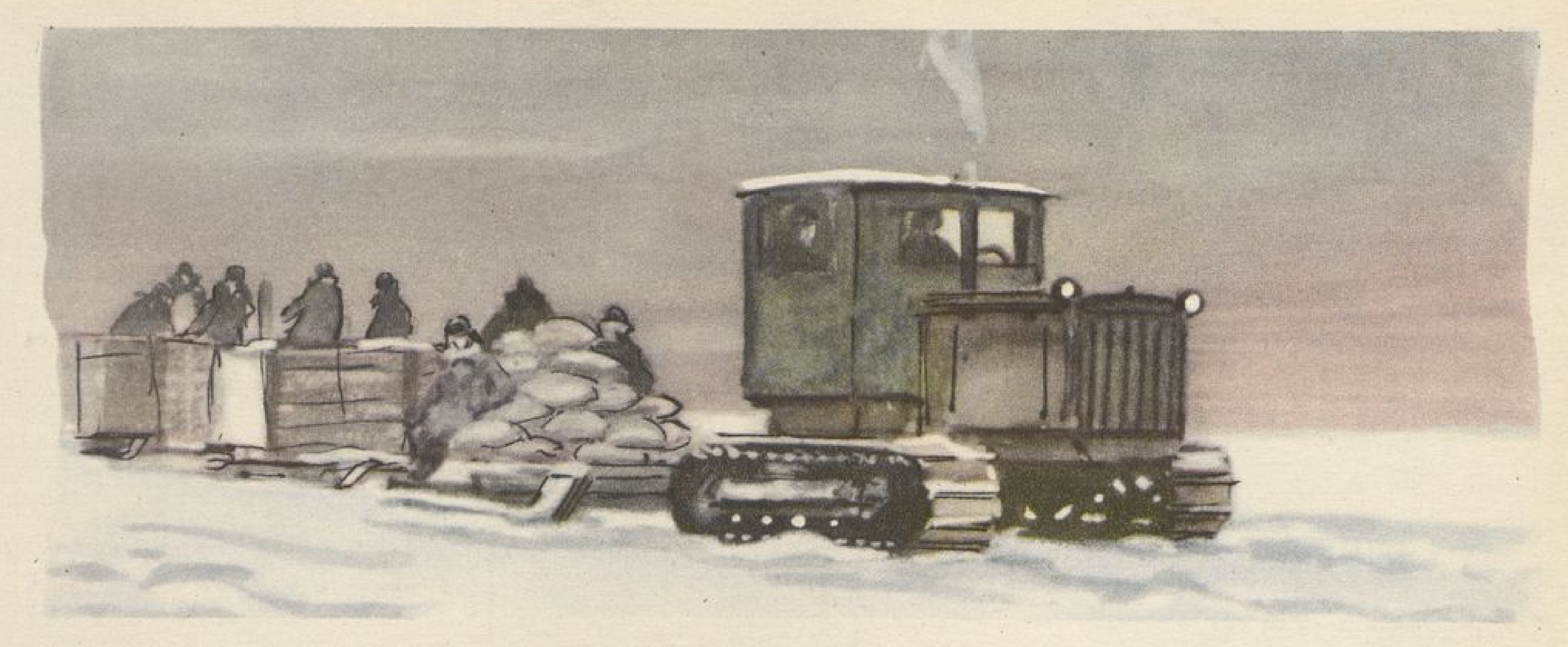
В Сибири зима холодная, и стоит она долго. Когда мы приехали на Алтай, был лютый мороз, и москвичи надели овчинные полушубки, ушанки и валенки. В тёплой одежде никакой мороз не проберёт!

В степи в это время лежал глубокий снег. Дороги замела пурга. Автомашинам по такой дороге не пробиться. Как же добраться до села, где находилась машинно-тракторная станция?

На выручку москвичам работники МТС прислали мощный гусеничный трактор. Такому трактору ни распутица, ни грязь, ни глубокий снег не страшны. Он проходит повсюду, как танк.

Трактор притащил три фанерных вагончика, поставленных на тяжёлые сани. В каждом вагончике топилась железная печка. Тепло.

Комсомольцы погрузились в эти теплушки на санях, и трактор потащил их через заснеженную степь. Ехали долго. Но вот, наконец, новосёлы на месте! Далеко позади остались Москва, завод, родной дом. Но и в селе Назаровка жи-

тели встретили комсомольцев, как родных. Они разместили новосёлов в своих избах, помогли устроиться как дома. У нас в стране всегда так: куда бы ни заехал советский человек, он всюду свой, всюду в родной семье!

— Кем вы желаете работать у нас? — спросил директор МТС москвичей.

— Трактористами! — как один, ответили все комсомольцы автозавода.

— Очень хорошо! Нам много нужно трактористов, — сказал директор. — При МТС мы откроем курсы трактористов, начинайте изучать машины.

Прошли полтора месяца учения. Наступила весна. Всё теплее становились лучи солнца. Потемнел в степи снег, стал таять, а вскоре исчез совсем. Земля впитала в себя влагу.

К этому времени в МТС прибыло много разных машин. И новые тракторы, и комбайны, и плуги, и культиваторы, и сеялки. Пока комсомольцы учились, рабочие заводов изготовили эти машины. Работайте, новосёлы, поднимайте целину!

На весенней пахоте нельзя терять ни одного дня. Иначе ветер выдует из земли влагу, земля загрубеет и посеянному зёрнышку трудно будет расти. Ему нечем будет питаться.

Поэтому, как только сошёл со степи снег, трактористы выехали в поле. Среди них были и прибывшие в МТС московские комсомольцы. Они успели хорошо изучить свои машины. И не забыли данного ребятам обещания, — прислать шкатулки с зерном первого урожая.

Пройдёт лето, наступит пора уборки. Москвичи-новосёлы снимут с целинных земель богатый урожай. Тогда они наполнят зерном шкатулки и снесут их на почту. И хлеб, испечённый из этого зерна, покажется ребятам, наверное, самым вкусным. Ещё бы! Его подарили ребятам москвичи!

Ждите шкатулки, дорогие ребята!

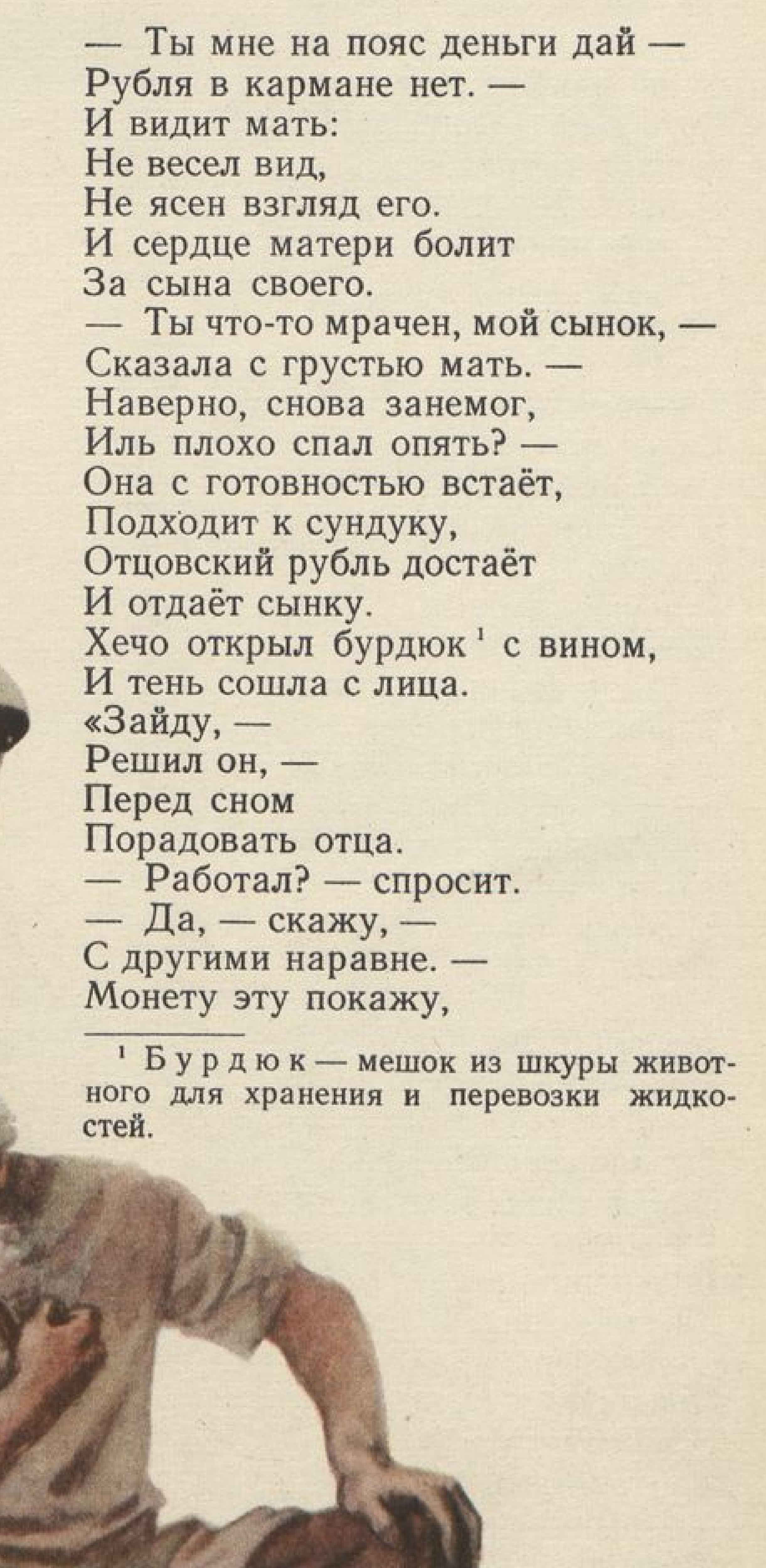
ЗАРАБОТАННЫЙ РУБЛЬ

(Грузинская сказка)

С. ЭЙДЛИН

Рис. О. КОРОВИНА

В ауле жил кузнец один,
И знал его весь край.
У кузнеца был взрослый сын —
Бездельник и лентяй.
Лежал под солнцем, жир копил
И только знал одно:
Жевал отцовский хлеб
И пил
Отцовское вино.
Но вот состарился отец,
Зовёт к себе сынка.
— Я чую, —
Говорит кузнец, —
Что смерть моя близка.
Я вижу всё, Хечо,
Не слеп.
Скорбит моя душа,
Что заработать ты на хлеб
Не можешь ни гроша.
Не век с тобой мне вековать.
Отца похороня,
Ты даже лошадь подковать
Не сможешь без меня.
Не овладел ты ремеслом
В свои семнадцать лет.
Знай,
За обеденным столом
Лентяю места нет.
Паси коров, паши поля —
Без дела не сиди.
Не заработаешь рубля —
Домой не приходи! —
Стоит Хечо,
Молчит Хечо,
А в голове — туман.
«Придётся, — думает Хечо, —
Пуститься на обман».
Приходит к матери лентяй,
Едва забрезжил свет.

— Ты мне на пояс деньги дай —
Рубля в кармане нет. —
И видит мать:
Не весел вид,
Не ясен взгляд его.
И сердце матери болит
За сына своего.
— Ты что-то мрачен, мой сынок, —
Сказала с грустью мать. —
Наверно, снова занемог,
Иль плохо спал опять? —
Она с готовностью встаёт,
Подходит к сундуку,
Отцовский рубль достаёт
И отдаёт сынку.
Хечо открыл бурдюк[1] с вином,
И тень сошла с лица.
«Зайду, —
Решил он, —
Перед сном
Порадовать отца.
— Работал? — спросит.
— Да, — скажу, —
С другими наравне. —
Монету эту покажу,

---

[1] Бурдюк — мешок из шкуры животного для хранения и перевозки жидкостей.

И он поверит мне...»
Весь день у моря наш герой
Лежал, считал ворон,
И лишь вечернею порой
К отцу явился он.
Поймав отцовский строгий взор,
Монету подал:
— На.
Работал так, что до сих пор
Болит моя спина. —
Отец монету побросал
С ладони на ладонь,
Подумал,
К печке зашагал,
Швырнул её в огонь,
А сам в сыновние глаза
Украдкою взглянул.
А тот и слова не сказал
И глазом не моргнул.
— Ты добыл деньги не трудом, —
Сказал ему кузнец.
И вновь покинуть отчий дом
Велит Хечо отец.

Вторично матери соврал
Забывший стыд лентяй.
— Я ту монету потерял,
Ты мне другую дай. —
Она в глаза ему глядит,
Ей снова жаль его.
И сердце матери болит
За сына своего.
Она доверчиво встаёт,
Подходит к сундуку,
Ещё монету достаёт
И отдаёт сынку.
— Возьми, сынок,
Последний тут,
Но не об этом речь:
Не можешь ты отцовский труд
Как следует беречь. —
Хечо решил,
Простившись с ней
И выскочив во двор,
Что надо действовать умней,
Не так, как до сих пор.
— Отец увидит за версту,
Что за день я устал,
Отец подумает:
«В поту
Он деньги добывал...»
Пошёл бездельник,
Лёг в кусты.
Лежал,
Лежал,
Лежал
И только в полночь
с полверсты
До дому пробежал.
Соврал отцу и в этот раз:
— Трудился за троих.
Работал так, что и сейчас
Не чую ног своих. —
Отец у сына деньги взял,
И снова на ладонь,
И снова к печке зашагал
И бросил их в огонь.
— Не заработал ты рубля, —
Отец ему в укор. —
— Ты, каламанами[1] пыля,
Бежал с высоких гор. —
Хечо покинул дом опять
И видит:

---

[1] Каламаны — деревенская обувь на Кавказе.

У окна
Стоит его старушка мать,
Печальна и мрачна.
Отец уселся на крыльце,
Молчание храня.

Как изменился он в лице
За три последних дня!
И огляделся сын кругом
И стало жаль до слёз
Оставить мать, отца и дом,
В котором жил и рос.
И стало совестно ему,
Что так бесстыдно лгал,
Что не учился ничему,
Отцу не помогал.
Шесть дней не виделся с отцом
Хечо,
А на седьмой
С весёлым, радостным лицом
Вернулся он домой.
— Ты ждал, отец, меня иль нет,
А всё же я пришёл. —
Он вынул пригоршню монет
И высыпал на стол.

Отец монеты побросал
С ладони на ладонь,
И снова к печке зашагал
И кинул их в огонь.
Рванулся к печке сын.
Рукой
Он угли разбросал.
— Не знаешь ты, ценой какой
Я деньги добывал!
Я в поле молотил овёс,
Шёл с кладью на спине.
И каждый грош, что я принёс,
Достался потом мне.
А ты опять их не берёшь... —
Отец смеётся.
— Ишь!
Теперь я вижу, что не врёшь,
Что правду говоришь.
Ты денег не жалел чужих,
Что побросал я в печь,
И не вытаскивал ты их
И не хотел сберечь.
А здесь
Огонь руки не жжёт.
Как видно, дело в том,
Что нет ценней рубля,
Чем тот,
Что добывал трудом!

УШАСТИК

Из повести „Дом в Черёмушках"

М. КОРШУНОВ *Рис. Ф. ЛЕМКУЛЯ*

I

Леонид Аркадьевич Лавров, научный сотрудник университета, и его маленький племянник Гарька проводили лето в посёлке Черёмушки.

В те часы, когда Леонид Аркадьевич обкладывался книгами и словарями и начинал заниматься, для Гарьки наступало томительное одиночество. Вначале Гарька усердно рисовал пейзажи, пока не израсходовал всю зелёную краску. Потом ему захотелось поймать сойку, поглядеть на неё вблизи. Гарька от кого-то слышал, что для этого надо было взять ящик, приподнять с одного края, подперев палочкой, а к палочке привязать бечёвку и оттянуть её куда-нибудь в укромное место. Под ящик насыпать корм. Птицы заприметят корм, подлетят, начнут клевать, а тут дёрг за бечёвку, палочка выскочит из-под ящика, и ящик захлопнет птиц.

В домике ящика не оказалось, и его решили заменить корытом.

Сперва Гарька сидел с бечёвкой за углом дома и неусыпно следил за корытом. Но сойки то ли не замечали кусков хлеба, набросанных на земле, то ли не желали есть его под корытом. Гарька скучал, томился. А Леонид Аркадьевич поминутно высовывался из окошка дома и шопотом спрашивал:

— Ну как?

— Никого нет, — с грустью вздыхал разомлевший на солнце Гарька.

Вдруг железное корыто зазвенело, свалилось с палочки.

Гарька и подоспевший Леонид Аркадьевич почти одновременно навалились на него. Под корытом кто-то колотился.

— Наверное, — в восхищении проговорил Гарька, — целая ворона поймалась.

— Тсс... — прервал его Леонид Аркадьевич и растянулся животом на траве.

Гарька лёг рядом. Начали осторожно приподнимать корыто, чтобы заглянуть в щель: кто ж там такой?

— Здесь, — тихо сказал Гарька и от напряжения громко сглотнул. — Глаза какие, видите? И нос, видите? Нюхает. Это он нас нюхает.

На дядьку и племянника из-под корыта в узкий просвет глядели чьи-то немигающие, ставшие круглыми в темноте глаза и шевелился, принюхивался маленький нос.

— Это кот,— первый догадался Гарька.

— Да, — проговорил Леонид Аркадьевич и откинул в сторону корыто. — По всей видимости, это кот.

На траве, съёжившись, замер облысевший кот с необыкновенно большими ушами и тонким вытертым хвостом. Кот внимательно глядел на людей. Удирать он не собирался.

В кухне Леонид Аркадьевич налил коту полную банку молока. Вылакав молоко, кот отошёл от банки и, забравшись под стол, завалился спать.

К вечеру кот вышел из-под стола, дерзко, во весь рот зевнул, потянулся на своих высоких худых ногах, или, как заметил Гарька, «сделал верблюда», и отправился осматривать дом. Он обнюхал мебель, пристально и долго смотрел в поддувало печки, наставив туда усы и брови, дважды прикоснулся носом к метёлке, а когда добрался до комнаты Леонида Аркадьевича, то заглянул в чемодан. Чемодан стоял на полу, крышка его была открыта. Кот случайно толкнул её, крышка захлопнулась и захватила ему голову. Кот заорал, пытаясь освободиться. На шум прибежали Гарька и Леонид Аркадьевич и вызволили его. Он весь растопорщился, шипел, «ругался» и долго брезгливо тряс лапами. Вообще кот оказался очень крикливым и обидчивым.

За большие уши Леонид Аркадьевич и Гарька назвали его Ушастиком.

II

Однажды через забор с соседнего участка перелетел цветной резиновый мяч и вслед за мячом между прутьями забора появилась голова девочки.

— Меня зовут Диля, — сказала девочка. — А это мой мяч. Дайте, пожалуйста.

Гарька поднял мяч и подал девочке.

— Спасибо, — кивнула девочка. — А вы давно здесь живёте?

— Давно, — ответил Гарька. — А ты?

— А я только что приехала с бабушкой. Очень скучно. А это ваша кошка?

— Наша.

— У меня тоже есть. Мы из города привезли. Хотите, покажу?

— Покажи.

Девочка скрылась среди кустов жимолости.

— Вот видите, какой, — сказала девочка, просовывая морду кота сквозь забор. — Это Мамай. А вашу кошку как зовут?

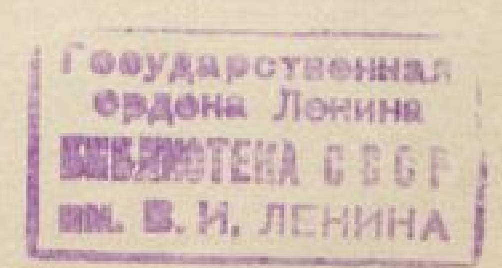
— Нашу — Ушастик,— ответил Гарька.

Мамай оказался ещё хуже Ушастика: он был с клочковатой шерстью, какой-то рваный, с мускулистыми лапами и с жадными на драку раскосыми глазами. Он, как заприметил в траве Ушастика, весь съёжился, напружинился и начал вырываться у девочки из рук. Ушастик прижал уши, «сделал верблюда» и тихонько заворчал.

По разные стороны забора они медленно пятились один от другого, воинственно отставив хвосты и напрягая лапы. Было ясно: друзьями они не станут.

В одну из ночей Ушастик и Мамай долго грозно мяукали, перекликались — испытывали характеры. А наутро Гарька нигде не мог найти Ушастика. Он осмотрел все его любимые места: отдушину, чердак, запечье, чемодан Леонида Аркадьевича. Нет как нет! Пропал кот.

Однако вскоре выяснилось, что Ушастик поблизости от дома сидит на вершине сосны.

Гарька стал звать Ушастика, чтобы он спустился вниз. Кот не двигался. Он только открывал рот, но голоса слышно не было: Ушастик охрип.

Ушастик ещё попробовал помяукать, пожаловаться, но, убедившись, что окончательно лишился голоса, начал осторожно сползать с дерева.

Когда Ушастик, наконец, спустился, он весь дрожал — безголосый, несчастный. От еды Ушастик отказался, а только пил воду.

— Он заболел, простудился. Надо ему смерить температуру, — предложил Гарька, достал из чемодана термометр и подсунул коту под переднюю лапу.

Через десять минут термометр вынули, и то, что он показывал, ошеломило и дядьку и племянника — 38 градусов и 5 десятых.

Пусть Ушастик и неприглядный кот и характер у него не из мягких, уступчивых, но всё-таки Гарька и Леонид Аркадьевич уже привыкли к нему.

На следующий день Ушастику лучше не стало. Температура продолжала оставаться 38 градусов и 5 десятых.

Гарька пристал к Леониду Аркадьевичу, чтобы пойти с Ушастиком к ветеринарному доктору, в деревню Темрюковку. Леониду Аркадьевичу и самому было жаль Ушастика, но итти с котом в поликлинику, хоть и в ветеринарную, неловко вроде. Да и в чём его нести? У Леонида Аркадьевича был когда-то такой случай. Предложили ему знакомые взять себе котёнка. Он свернул из газеты кулёк, засунул в него котёнка, а кулёк положил в плетёную сумку. Только вышел на улицу, как котёнок прорвал лапами газету. Леонид Аркадьевич заспешил домой. Бежит, из кулька сквозь плетёнку торчат четыре лапы, а в кульке басом голосит котёнок.

Ушастика решено было укутать в старое полотенце и так доставить к врачу. Вызвалась сопровождать кота и Диля.

Ушастик всю дорогу молчал, иногда громко вздыхал. Диля несла банку с водой, из которой Ушастику изредка давали пить.

Ветеринарная поликлиника состояла из двух домиков. В одном принимали крупных животных — лошадей, коров, овец; в другом мелких — поросят, собак, ягнят и птиц — кур, голубей.

Во дворе даже стояла карета скорой помощи. У неё только вместо красного креста был синий.

Леонид Аркадьевич и ребята вошли в дом для мелких животных.

Леонид Аркадьевич, покашливая, смущаясь, подошёл к окошку регистратуры.

— У вас кто? — не поднимая головы, спросила регистраторша.

— У нас, так сказать, кот, — с запинкой ответил Леонид Аркадьевич.

Регистраторша взяла амбулаторную карту и приготовилась её заполнять.

— Имя?

— Леонид Аркадьевич.

— Не ваше имя, а кота?

— Ушастик.

— Фамилия?

— Чья?

— Владельца, конечно.

Леонид Аркадьевич опять откашлялся и ответил:

— Лавров, фамилия.

— Так, — проговорила регистраторша, попрежнему не поднимая головы. — Пройдите к кабинету номер семь.

Леонид Аркадьевич, Гарька и Диля нашли кабинет номер семь и сели перед ним на лавку. Ушастик тихо лежал в полотенце на коленях у Леонида Аркадьевича.

По соседству с Леонидом Аркадьевичем сидел мальчик в картузе, а при мальчике — мохнатый дворовый пёс с перевязанными шерстяным платком ушами.

Напротив сидела женщина, придерживая за ручку соломенную корзину, которая стояла рядом на стуле.

Леониду Аркадьевичу понадобилось протереть очки. Он положил Ушастика на лавку и полез в карман за носовым платком. Уголок полотенца отогнулся, и из свёртка вывалился хвост Ушастика. Дворняга, как увидел кошачий хвост, немедленно вскинул свою перевязанную голову, засверкал глазами и судорожно, с визгом залаял, порываясь цапнуть Ушастика за хвост.

В этот же момент откинулась крышка у соломенной корзины, и оттуда с молниеносной быстротой выпрямилась длинная

шея гусака. Гусак прицелился и тюкнул в пуговицу пиджака Леонида Аркадьевича. Леонид Аркадьевич и дворняга, оба остолбенели от неожиданности, а гусак проворно открутил клювом пуговицу и попытался её проглотить.

Тут дверь кабинета распахнулась, и на пороге появился доктор — старый, седой, в белом халате.

Гусак выплюнул пуговицу и юркнул к себе в корзину.

— Что, Дёмка, — сказал доктор мальчику в картузе, — снова Цезарь захворал?

— Да, Терентий Артёмович, — ответил мальчик, вставая с лавки.

Доктор улыбнулся:

— Тридцать восемь и пять — самая нормальная кошачья температура, всё равно что у человека тридцать шесть и шесть.

— Что ж, по-вашему, он симулянт? — обиделся Гарька.

— Нет, не симулянт. — Терентий Артёмович взял трубку и начал слушать Ушастика. Потом приподнял веки и заглянул в глаза.

— Опять, небось, нож от мясорубки проглотил?

— Нет, Терентий Артёмович, уши у него... — И Дёмка потащил за ремешок в кабинет к доктору Цезаря, который всё удивлённо оглядывался на корзину с гусаком.

Но вот наступила очередь Ушастика.

— Кладите кота на стол, поближе к свету, — показал доктор на чистый белый стол.

Леонид Аркадьевич положил.

— Чей же это кот? — спросил доктор. — Твой, наверное? — и кивнул на Дилю.

— Кот мой, — вмешался Гарька. — У него температура очень повышенная — тридцать восемь градусов и пять десятых.

— Доктор, — взволнованно спросила Диля, — он поправится?

— Поправится. Как выспится, так и поправится. — Терентий Артёмович достал из шкафчика пузырёк с микстурой. — Будете давать чайную ложку в день.

— А медведей вы лечите? — спросила Диля.

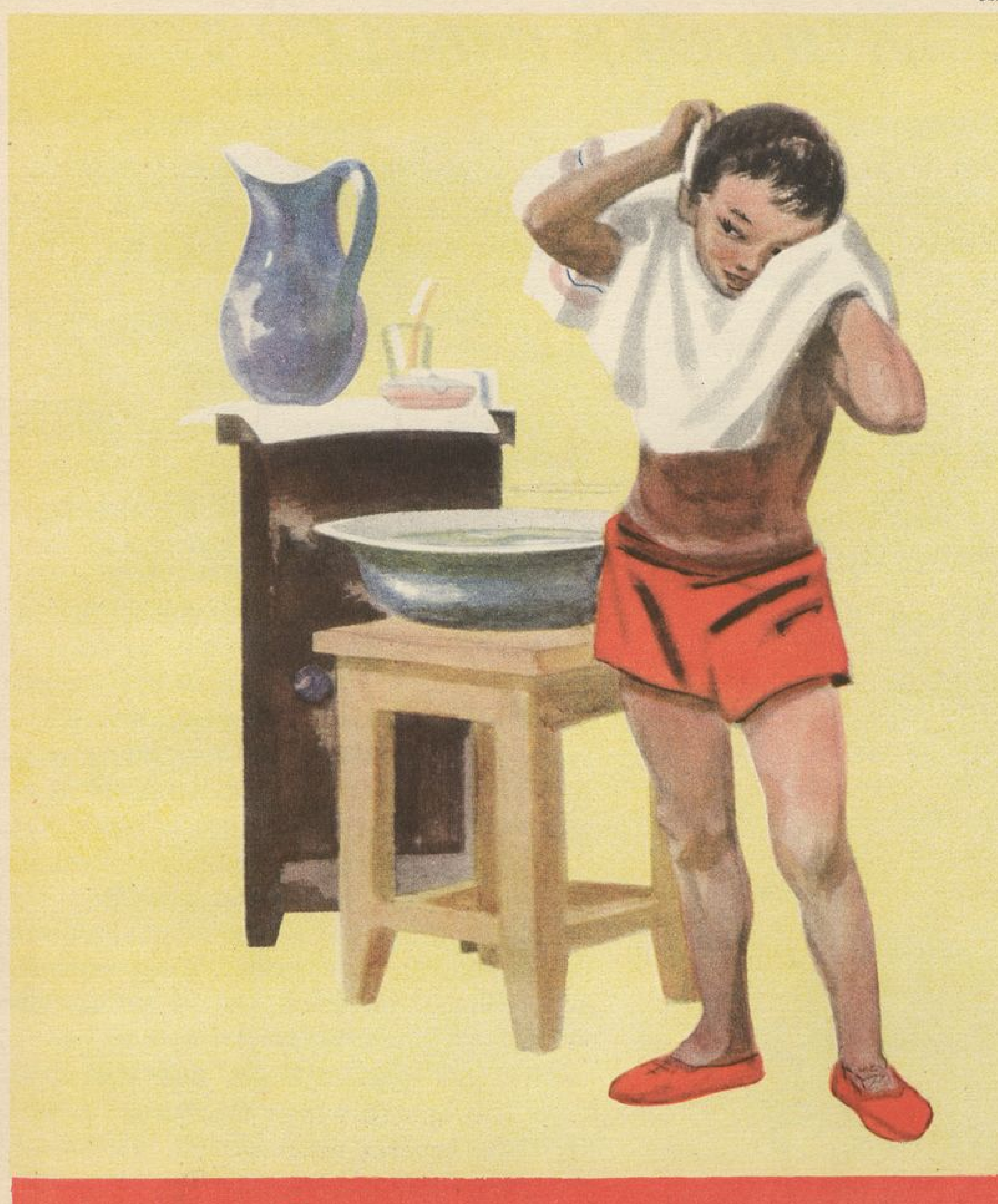
— Лечим. Даже в больницу можем положить.

В регистратуре заплатили за пузырёк с микстурой и отправились в обратный путь в Черёмушки.

Леонид Аркадьевич опять нёс Ушастика, Гарька — пузырёк с микстурой, а Диля — банку с водой.

Если
сын
чернее ночи,
грязь лежит
на рожице,—
ясно,
это
плохо очень
для ребячьей кожицы.

**Если
мальчик
любит мыло
и зубной порошок,
этот мальчик
очень милый,
поступает хорошо.**

В. МАЯКОВСКИЙ

Ястреб и петух

В. ЛЕБЕДЕВ — **Рис. Ф. ЛЕМКУЛЯ**

Лето. Кругом всё зелёное, горячее от жаркого солнца. И деревья, и травы... А вон там, на площадке, за сеткой из тонкой проволоки, на самом солнцепёке, как будто всё снегом покрыто.

— Что бы это значило, а? — спрашиваю Маринку.

А она важная такая — носик вздёрнутый, и две косички торчат. Помедлив, гордо ответила:

— Это курятник наш, пти-це-фер-ма.

И правда. Множество белоснежных курочек и петушков снуют взад-вперёд, копошатся, выискивают что-то в траве. А травы даже и не видно под ними — так их много.

— Почему же они все одинаковые, Маринка?

А она уже вроде сердится:

— Как, вы и этого не знаете? Потому что все они инкубаторные, одной породы... Как их?.. Лек... лег... легкокормы...

— Что?.. Легкокормы?

— Ну да... Потому что их очень легко кормить — откармливать, — поясняет Маринка.

Ах, вот что! Учёные называют такую белоснежную крупную породу кур «леггорнами». А Маринка взяла да и перевела с учёного на свой лад. Просто и понятно — «легкокормы».

— Да ты, Маринка, сама не птичница ли? Так во всём разбираешься.

— Нет, я ещё пока не птичница... А когда подрасту, обязательно буду птичницей, — важно ответила она. И тотчас же прильнула лицом к проволочной сетке.

Вот схватились драться два петушка, а вот эти просто машут крыльями, а вон те, будто чечётку отплясывают, выбивают из травы когтистыми ловкими ножками какие-то невидимые зёрна.

Но вдруг Маринка отчаянно вскрикнула: «Ай!»

Живой снег как будто метлой помело с площадки: с жалобным кудахтаньем помчались куры, петухи, цыплята в свои сараи — вольеры, раскрытые настежь.

Две дежурные птичницы уборку делали там, внутри вольеров, и снаружи их не было видно. Не видно было и нас с Маринкой.

Прожорливый ястреб, видимо, давно уже круживший в небе над колхозным птичником, не выдержал наконец.

Он, как тёмный мешок, падал с огромной высоты. Вовремя всполошившиеся леггорны почти все успели убежать в укрытие. Осталось лишь с полдесятка молодых курочек, в панике метавшихся по площадке, да большой старый белоснежный петух с огромным огненно-красным гребнем и могучим клювом.

— «Дедушка» остался... — пролепетала Маринка. — Ох, утащит его ястреб!.. Он ведь драться не любит, «Дедушка»-то...

Расспрашивать её было уже некогда. Ястреб обрушился на одну из растерявшихся куриц. Но только бы ему вонзить в неё свои жадные когти, как петух «Дедушка» сам взлетел в воздух и, упав на ястреба, начал яростно клевать его в голову.

— Так его, «Дедушка», так! — закричала Маринка. — Бей его, негодного, как следует!

Но петух и сам знал, что ему делать. Вцепившись в спину разбойника, «Дедушка» гвоздил его клювом.

Всё это длилось не больше двух-трёх секунд. Выскочившие из вольеров птичницы увидели самый конец необыкновенной битвы.

Ястреб, видя провал своей затеи, решил удирать. Он круто взмыл в небо, унося на себе разъярённого петуха и стараясь сбросить его с себя судорожными движениями спины и крыльев.

Наконец ястреб нанёс петуху ответный удар клювом. «Дедушка» соскользнул с его спины и грохнулся на траву — с довольно большой уже высоты.

Птичницы подбежали к белой кучке, лежавшей на земле.

Маринка знала, где вход на птичник. Она с плачем помчалась туда.

И вот мы стоим возле храброго, бесстрашного «Дедушки».

Маринка дует ему на окровавленный гребень, на подёрнутые сизой плёнкой глаза.

— Почему ты, Маринка, сказала, что он не умеет драться?

Вместо неё, продолжавшей плакать, мне ответила одна из птичниц:

— Его потому и держали так долго, что он не драчун, не задира... Смирный всегда был, спокойный... И что с ним такое сейчас сделалось, даже и не понять... Ну-ка, ястреба чуть не одолел.

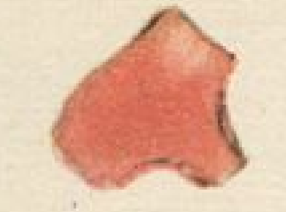
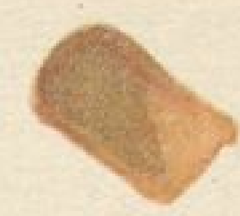
А Маринка сквозь слёзы пробормотала:

— Это он дяденьке показал, на что птица способна... А то дяденька всё допытывался, почему я в птичницы собираюсь...

БАШМАЧКИ

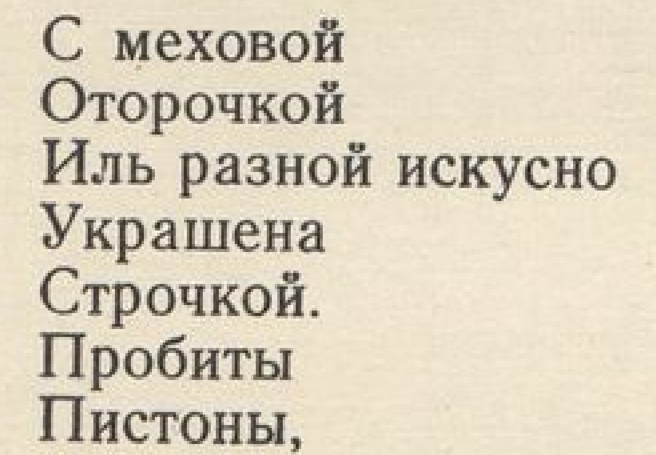

ЕЛЕНА БЛАГИНИНА

Рис. Т. ПОКРОВСКОЙ

Твои башмачки
В магазине купили...
Но всё-таки где ж их
Кроили и шили?
На фабрике обуви —
Около сада!
Туда добираться
Автобусом надо.
А можно трамваем,
А можно пешком —
По улице, крытой
Весенним пушком.

На фабрике сразу
Освоиться трудно, —
Уж очень там хлопотно
И многолюдно.
Послушны движенью
Умелой руки,
Вздыхают машины,
Стучат резаки.
Плывёт
По конвейеру
Пёстрая кожа.
На обувь
Покамест она не похожа:
Нарезано много
Отдельных кусков —
Каких-то
Подковок,
Полос,
Ремешков.
Работницы
Эти полоски, подковки
Берут и тачают
Из них заготовки.
Машинки стрекочут,
Жужжат провода,
И мечется кожа
Туда и сюда.
И вот уж она

С меховой
Оторочкой
Иль разной искусно
Украшена
Строчкой.
Пробиты
Пистоны,
Продеты
Шнурки...
А всё ж не готовы
Твои башмаки!

Плывут они
Дальше
В конвейерной
Лодке.
Глядишь, заготовка
Уже на колодке!

Рабочий
В ладони
Колодку
Берёт, —
Рычаг,
Будто птица,
Колодку
Клюёт.
Железная
Птица,
Совсем
Как живая,
Хлопочет,
Старается,
Гвозди
Вбивая.
Прибиты, заделаны
Кожи края...
А всё ж не готова
Обнова твоя!

Плывёт она
Дальше
В конвейерной
Лодке:
Нужны башмакам
Каблуки и подмётки!
Молочные лампы
Сияют вверху,
Как будто бы солнышко
Светит в цеху.

Другие машины —
Другие и звуки!
Но те же умелые,
Добрые руки!
Подошвы прилажены
И каблуки,
И сняты с колодок
Твои башмаки.
Теперь их проверят
И проштемпелюют,
Протрут
И пылиночку
Каждую сдуют.

Красивы, удобны,
Нарядны, легки,
Готовы, готовы
Твои башмаки!

Уложена пёстрая обувь
В картонки
И весело катится
На пятитонке.
Куда она едет?
Ты знаешь куда!
В деревни, в аулы,
Во все города.
По ленте асфальтовой
Катит и катит:
Ребят у нас много,
Но обуви хватит!
Надеты на ножки,
Бегут башмачки.
Тот-топ — по дорожке,
Тук-тук — каблучки.

Г. СНЕГИРЁВ **Рис. В. КОНСТАНТИНОВА**

КАЧУРКА

Люблю я на палубе стоять, когда волны выше корабля поднимаются. Думаешь: «Вот-вот накроет». Нет, прошла, следующая накатывается.

И так без конца: то опустит корабль в бездну, то поднимет высоко-высоко. Вокруг одни волны и волны видны. В такой шторм даже киты в глубине держатся.

И вдруг смотришь — между волнами что-то белое мелькает, как зайчики, ниточкой друг за другом верхушки волн пробуравливают. Присмотришься получше, а это стайка качурок летит, только белые брюшки видны. Не успеют качурки от волны увернуться, накроет их вода, смотришь — они с другой стороны вынырнули. Лапками от волны оттолкнутся и дальше с криком летят. Маленькие они, а бесстрашные.

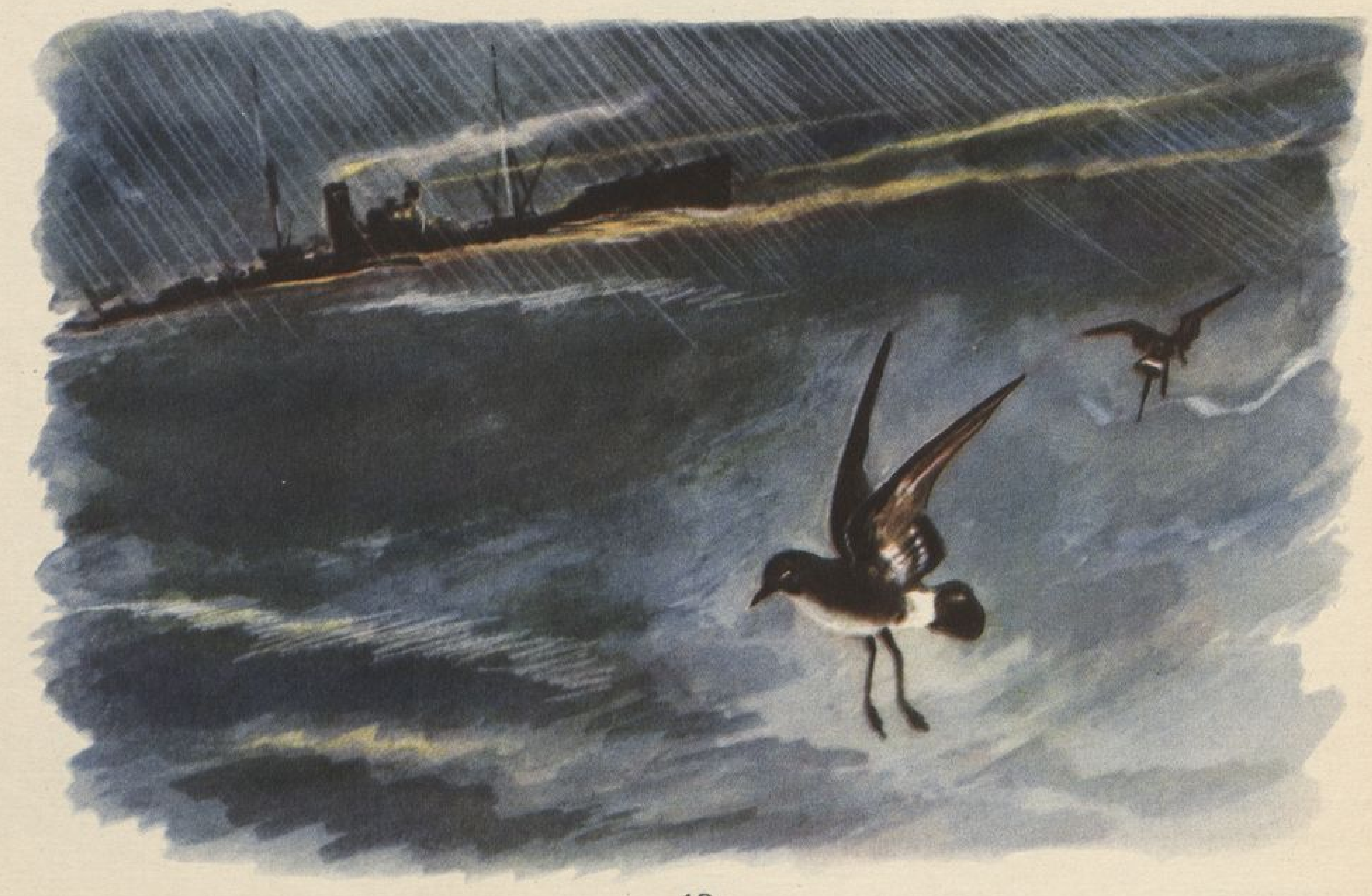
Давно хотел я качурку получше разглядеть, да всё не удавалось.

Стоял я однажды ночью на вахте. Ветер был сильный — с трюма брезент сдуло, и капитан приказал скорее закрепить его, не то в море унесёт. Прожектор зажгли, осветили палубу. Брезент раздувает, а мы его стараемся быстрее закрепить. На ветру руки мёрзнут, пальцы не слушаются. Наконец закрепили.

Пошёл я на корму прожектор выключать. Смотрю, из темноты птица величиной со скворца вынырнула и о прожектор ударилась. Бегает от меня по палубе, никак взлететь не может.

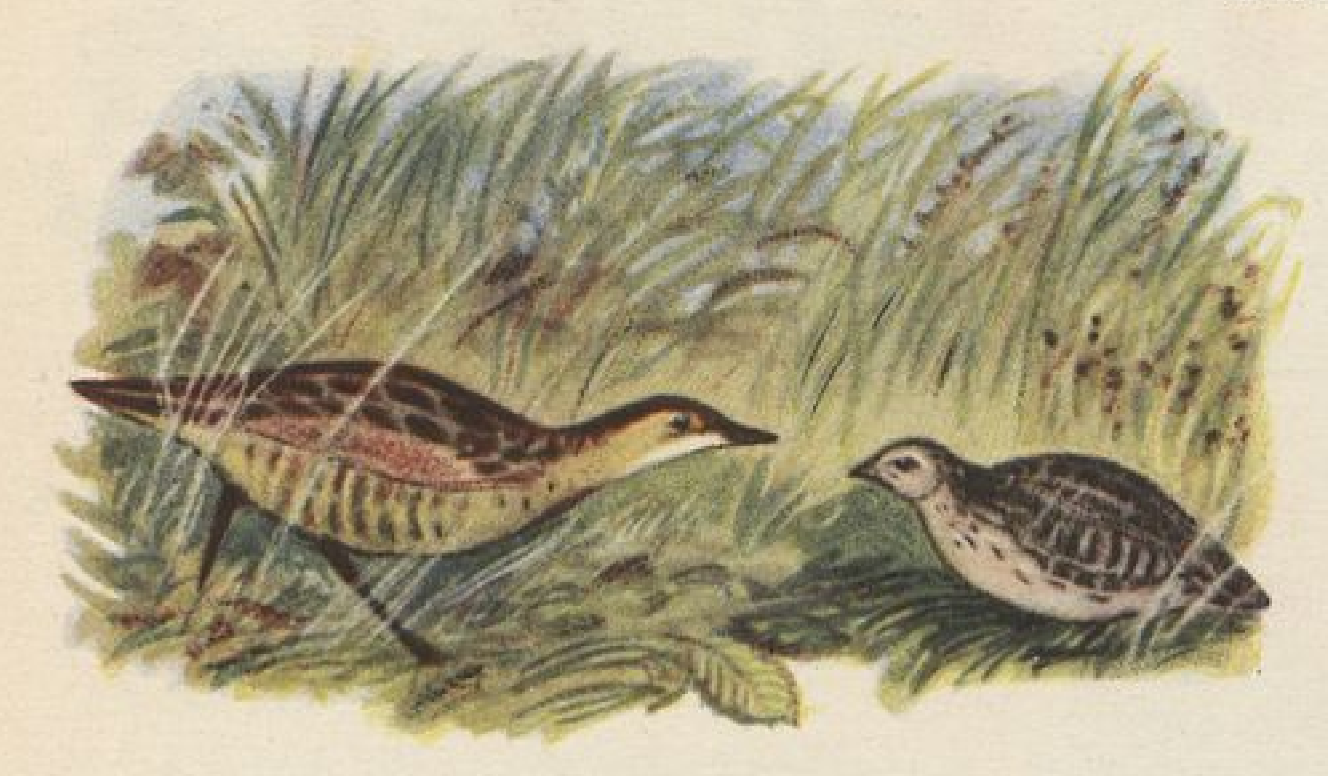
Прожектор я выключил, а птицу в каюту принёс. Это качурка была. Она на свет залетела. Сама серая, на брюшке белое зеркальце, а лапки с перепонками, маленькие, поэтому она может только с воды взлететь. Сердечко у неё в моей руке так и бьётся: тук-тук, тук-тук... Даже клюв от страха раскрылся — никак отдышаться не может.

Вышел я с ней на палубу, вверх подбросил — она улетела. А куда — сам потом удивлялся, когда на карту посмотрел. Корабль наш в открытом океане шёл, за сто километров от берега...

КОРОСТЕЛЬ

Сказка

Листья в лесу ещё не пожелтели. На лугах трава зеленеет, а коростель на юг собрался. Встретила его перепёлка.

— Куда так рано идёшь? — спрашивает.

— На юг, зимовать, — коростель отвечает.

Удивилась перепёлка:

— Рано собрался, тепло ещё. Подожди, вместе полетим.

— Вам лететь, а мне пешком итти, — коростель говорит.

Перепёлка стала его расспрашивать, как он в такую даль пешком ходит.

— Так и хожу: днём в траве прячусь, а ночью иду, через реки перелетаю. Каждый год хожу, дорожка знакомая.

— Не надоело каждый год ходить? — перепёлка спрашивает.

— Что поделаешь! Птенцов вывел, выкормил, итти надо, не то холода застанут. Придёшь в Египет — тепло, пальмы растут. А как придёт весна — опять на родину. Готов сколько угодно пешком итти, лишь бы родное поле увидеть.

— Знакомых птиц на юге встречал? — перепёлка спрашивает.

— Скворца, что в том лесу живёт, каждый год вижу. Соловей наш недалеко от меня в пальмовой роще зимует, а петь — не поёт. Только здесь поёт, где детей выводит.

Проводила перепёлка коростеля до реки, перелетел он реку и дальше зашагал, на юг. Весной снова придёт, будет на лугу по ночам кричать.

ДОМИК-РАКУШКА

Однажды шёл я по морскому берегу, красивые камешки искал. Вижу — ракушку волны на песок выбросили. Внутри рак-отшельник сидит и на меня поглядывает; глаза у него, как бусинки на тонких ниточках, шевелятся.

Он из раковины себе домик сделал и отшельником живёт в нём, ни с кем не водится. Поднял я раковину и рака пальцем потрогал. Рак клешни убрал и ещё глубже в домик спрятался. А ведь раковина совсем не его домик, её рак на дне нашёл; в ней раньше улитка жила, только умерла, наверное. Рак в улиткиной раковине поселился и вылезать не хочет. Раковина мне понравилась. Только как из неё рака выжить? Взял я раковину и подальше от воды на песок положил, а сам сзади стою и ногой её придерживаю. Рак клешни высунул и хотел к воде поползти, а нога его не пускает. Он изо всех сил к воде тянется, а нога всё равно его не пускает.

«Нет, — думаю, — ты себе в море ещё раковину найдёшь, а я где возьму?»

Вырывался рак, вырывался и вдруг вылез из раковины и по песку в море зашагал. Ножки в панцыре, красные, а брюшко белое-белое и мягкое; поэтому он его в раковине прятал, чтоб рыба не отъела. Ушёл рак в море, а я пустую раковину в карман положил и тоже домой пошёл. Рак, наверное, до сих пор помнит, как я у него раковину отнял.

Интересно, где он себе новый домик нашёл?

Пёстрые

ВОТ КАК ПИШЕТСЯ ЭТО СЛОВО!

Рис. В. ЩЕГЛОВА *ЛЕВ КАССИЛЬ*

Встретились на зелёном поле три молодых лётчика.

— Значит, скоро летим? — говорит первый.

— Да, через месяц, — отвечает второй. — Подготовиться хорошенько надо.

А третий спрашивает:

— Ты в чём летишь?

— В букве «М», — отвечает первый, — в нижнем уголке.

— А я в букве «И», — говорит второй, — в перекладинке.

Третий говорит:

— А я в «Р» полечу, в кружочке.

Что за разговор такой удивительный? Где это видано, чтобы в буквах летали?

Но вот прошёл месяц. Собрались тысячи и тысячи людей на том большом зелёном поле. Загудело всё небо. Смотрят люди, закинули головы вверх. А в небе огромные буквы плывут. И каждая буква в воздухе построена из тридцати военных самолётов. Первой летит огромная буква «М», за ней—«И» и последней— «Р».

Ну-ка, прочти, что получилось?

Вот о каких буквах лётчики говорили. Вот какое слово они в небе пишут! А почерк у наших лётчиков твёрдый.

САШКО

ГРИЦЬКО БОЙКО

В трамвае переполненном
Сашко с мячом сидит,
Хотя с ним рядом сгорбленный,
Седой дедусь стоит.
Люди удивляются:
— Нельзя ли, мальчик, встать?
Ведь вас учили правилам,
Как старших уважать?
— А как же, — отвечает он, —
Учили, но сейчас
Занятия окончились, —
Каникулы у нас!

Перевёл с украинского Т. Волынский

УКРАИНСКИЙ НАРОДНЫЙ ЮМОР

ХИТРЫЙ МАЛЬЧИК

— Мама, дайте мне орехов.
— Хорошо, возьми себе полную горсть.
— Полную горсть? Так вы, мама, дайте мне сами: у вас рука больше.

НАПОИЛ

— Поил ты коня?
— Поил.
— А почему у него морда сухая?
— А он до воды не достал.

Перевёл Е. Весенин

ТРИ МЫШОНКА

(Монгольская народная сказка)

Жили на свете три мышонка, три родных брата, и был у них клочок земли с ладонь величиной.

Зимой их землю замело снегом. Выпало снегу много-много, чуть ли не целая горсть.

Стали мышата сгребать снег и нашли кусок сала с добрую горошину.

Отдали находку младшему брату и велели стеречь. А тот стерёг, стерёг да и съел всё до крошки.

Рассердились старшие братья, разбранили меньшого, поколотили и повели на суд.

Приходят к судье.

Вышел вперёд старший мышонок и говорит:

— Нас три брата, три мышонка...

— Большая семья! — сказал судья.

— И есть у нас клочок земли с ладонь величиной...

— Хозяйство немалое! — промолвил судья.

— Зимой у нас выпало много-много снегу, чуть не целая горсть...

— Ну и сугробы! — удивился судья.

— Стали мы снег сгребать...

— Нелегкая работа! — отозвался судья.

— И нашли кусок сала с добрую горошину...

— Да это настоящий клад! — воскликнул судья.

— Отдали мы находку младшему брату и велели стеречь...

— Где клад, там и сторож, — согласился судья.

— А он взял и съел всё до крошки...

— Какой обжора! — возмутился судья,

— За это мы его поколотили...

— И поделом! — сказал судья. — Чего же вы требуете теперь?

— Пусть найдёт для нас под снегом такой же большой кусок сала!

— Тогда и вы возьмите назад все ваши колотушки, — усмехнулся судья и посоветовал братьям вернуться домой и жить в мире.

Рис. Ю. ФЕДОРОВА

Л. ПЕРВОМАЙСКИЙ

Я и мама, мы к бабусе
Ехали на автобу́се.
— На авто́бусе, Панас,—
Поправляет бабка нас.

Вот опять мы сели с мамой
На авто́бус этот самый.
А соседи нас спросили:
— Автобу́сом прикатили?

Что за слово! Мы не знаем,
Как его произносить?
— Едем к бабушке транваем!—
Начал маму я просить.

Бабка снова поправляет:
— Что? Транваем? Ай-ай-ай!
И трёхлетний мальчик знает,
Что трамвай, а не транвай!

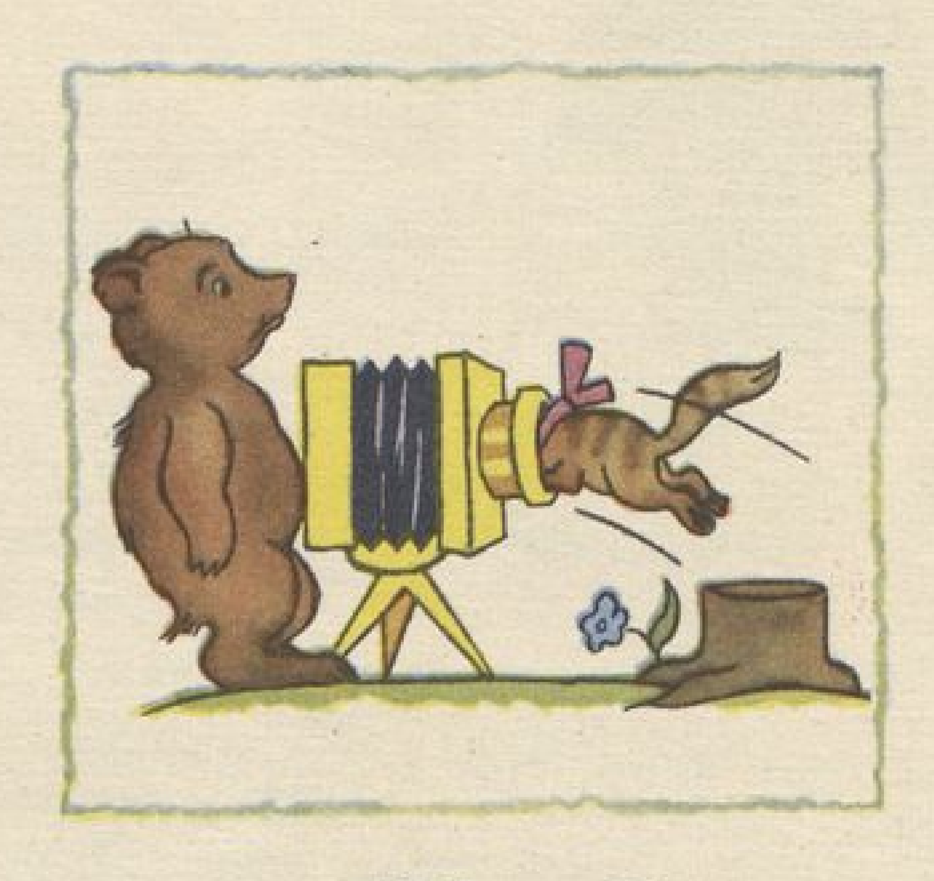
Вот мы снова у бабуси.
Но как только входим в дом,
Слышим: — Вы на автобу́се?

— Мы пешком пришли. Пешком!

Перевела с украинского А. Барто

Спокойно, сейчас вылетит птичка...

— А? Птичка?!

ДОБРЫЙ ВОЛК

ДМИТРИЙ ГУЛИА,
народный поэт Абхазии

У попа корова пропала. Всегда она с пастбища сама возвращалась, а тут не вернулась.

Утром пошёл поповский сын корову искать, а он был малость придурковатый. Вышел попович на лесную опушку, видит: два волка терзают коровью тушу. Один к себе тушу тянет, другой—к себе.

Попович струсил, побежал домой—и прямо к отцу:

— Батюшка, нашу корову волки разорвали!

— Ах, злодеи! — закричал поп.

— Да, батюшка, один волк, и вправду, злодей. Он тушу в лес норовит утащить. А вот другой, видать, подобрее. Он её всё-таки в нашу сторону тянул.

Перевёл Л. Ленч

СКОРОГОВОРКА

ЕЛЕНА БЛАГИНИНА

Варежки у Вари пропали на бульваре. Воротилась Варя вечером с бульвара, и нашла в кармане варежки Варвара.

Рис. В. АНДРИЕВИЧА

ПОЧЕМУ НЕ КЛЮЕТ?..

КАК ЛОВИТЬ РЫБУ (К 4-й стр. обложки)

Ребята! Сейчас рыбная ловля в разгаре. А ведь не все из вас знают, какую рыбу как ловить надо. Если хотите этому научиться, постарайтесь разобраться в нашем рисунке. Вот уклейка. Её надо ловить с поверхности на муху и мотыля. Окунь идёт на червя. Только держится он в воде поглубже. Хищную щуку берут на живую рыбёшку, то-есть на «живца», как говорят рыбаки. Плотва живёт в глубине и ловится на хлеб, муху и на кузнечика. А ёрш берёт насадку только на дне, и ловить его нужно на небольшого червя.

На обложке — рисунок художника Н. Жукова „Юный натуралист".

Художественный редактор О. Камкин *Рукописи не возвращаются* *Технический редактор А. Бодров*

Год издания тридцатый **Цена 1 руб.** Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Адрес редакции: Москва, А—55, Сущёвская ул., 21. Тел. Д 1-15-00, доб. 1-06. А04220 Подп. к печ. 5/V 1954 г.
2,8 уч.-изд. л. Бумага 60×92¹/₈=1,5 бум. л.=3 печ. л. Тираж 600 000 экз. Заказ 890

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия». Москва, Сущёвская, 21.

Рис. В. АНДРИЕВИЧА